

НАУЧНАЯ ЭТИКА

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/300-313

Научная статья

© И. Г. Широбоков

ОБ ЭТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОСТАНКОВ

Статья посвящена вопросам профессиональной этики археологов и физических антропологов, занятых изучением человеческих останков. Анализируется вариативность взглядов на особый статус человеческих останков в различных культурных и исторических контекстах. Подчеркивается неоднозначность определения статуса останков, воспринимаемых и как объекты исследования, и как предметы культурного наследия, а иногда и как субъекты, обладающие особыми правами. Прослежена определяющая роль целостности останков, а также сохранения социальных и исторических связей между живыми и мертвыми в восприятии останков и определении границ возможных способов обращения с ними. Рассматривается дуалистичный взгляд на природу человека, предполагающий отделение личности от физического тела после смерти, что находит отражение в равнодушном или pragматичном отношении человека к традиционной культуры к «старым костям».

Ключевые слова: этика, человеческие останки, физическая антропология, археология, музейное хранение, личность, социальное взаимодействие

Ссылка при цитировании: Широбоков И. Г. Об этических и культурных аспектах изучения человеческих останков // Вестник антропологии. 2025. № 4. С. 300–313.

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-4/300-313

Original article

© Ivan Shirobokov

ON THE ETHICAL AND CULTURAL ASPECTS OF STUDYING HUMAN REMAINS

This article explores the ethical challenges faced by archaeologists and physical anthropologists engaged in the study of human remains. It examines the diversity of perspectives on the special status attributed to human remains across different cultural and historical contexts. The analysis highlights the inherent ambiguity in defining the status of such remains—as scientific objects, cultural heritage, and, at

Широбоков Иван Григорьевич — к. и. н., старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 3). Эл. почта: ivansmith@bk.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3555-7509>

times, as entities accorded special rights. Particular attention is given to the role of physical integrity and the persistence of social and historical ties between the living and the dead in shaping attitudes toward the treatment of remains. The article also addresses the dualistic conception of the human being, which presumes a separation between personhood and the physical body after death—a notion reflected in the traditional cultural detachment toward “old bones”.

Keywords: ethics, human remains, physical anthropology, archaeology, museum collection, personality, social interaction

Author Info: Shirobokov, Ivan G. — Ph.D. in History, Senior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ivansmith@bk.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3555-7509>

For citation: Shirobokov, I. G. 2025. On the Ethical and Cultural Aspects of Studying Human Remains. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 300–313.

Введение

С точки зрения физической антропологии человеческие останки, вероятно, могут рассматриваться в первую очередь как ценный источник информации, изучение которого позволяет расширять наши представления о биологических, культурных и исторических аспектах человеческой жизни и смерти. Одновременно они могут восприниматься и как часть привычного мира неодушевленных предметов, легитимный объект профессиональной деятельности, в некоторых случаях как средство продвижения по карьерной лестнице, а в других — в качестве субъектов, заслуживающих уважения и даже обладающих собственными правами. Выбранная (сознательно или нет) позиция либо заставляет исследователя задаваться вопросами о границах допустимого и морально приемлемого обращения с останками, либо позволяет эти вопросы игнорировать.

Преимущественный интерес ученых к останкам как источнику информации и отсутствие такого интереса к символическим проблемам заметно контрастирует с богатством символических коннотаций, которые человеческие останки могут иметь для других. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что на протяжении большей части человеческой истории смерть была частью повседневности. Причины этого заключались не только в высокой смертности населения (преимущественно младенческой), не только в большей вовлеченности членов сообществ в погребальные практики и прямой контакт с телами умерших, но и часто в особом статусе останков людей, давно покинувших этот мир. Человеческие останки, персонализированные и обезличенные, мумии, скелеты, фрагменты тел, единичные кости и зубы нередко играют важную культурную, религиозную и социальную роль в традиционных обществах. В разных регионах они выступают в качестве сакральных реликвий, символов памяти или элементов ритуалов и даже средств медицины, отражая как особенности восприятия загробной жизни и поддержания связей с предками, так и включенность последних в жизнь новых поколений.

Исторический интерес ученых к человеческим останкам как объекту исследований находился в противоречии с отношением к ним других сообществ как части своего исторического и культурного наследия. В литературе нередко этот конфликт описывается на примере истории антропологического изучения регионов, подвергшихся

европейской колонизации (*Walker 2000; Шнирельман 2020*). Однако он может быть описан в более широкой перспективе, поскольку проявляется себя повсеместно, где сталкиваются интересы людей, заинтересованных в перемещении останков для достижения некоторых целей (исследователей, бизнесменов, чиновников), и тех, кто стремится обеспечить защиту останков от посягательств внешних сил. Именно отсутствие или слабость второй стороны позволяли исследователям на протяжении всего Нового времени использовать для пополнения музейных коллекций тела умерших из больничных моргов, невостребованные родственниками, скелеты из раскопок старых кладбищ и заброшенных склепов, головы солдат, павших на поле боя, и преступников, приговоренных к смертной казни (*Tammiksaar, Kalling 2018; Cardoso 2021*).

Роль сообществ, которые по тем или иным причинам проявляют интерес к судьбе останков, ставших объектом научного изучения и заявляют о своих правах на участие в их судьбе, представляется ключевой в том, что проблема этики обращения с останками умерших оказалась в зоне видимости общества. Именно они побуждают археологов и антропологов к дискуссиям о профессиональной этике на конференциях и страницах научных журналов — и, конечно, к обсуждению и разработке этических кодексов. В числе последних в первую очередь следует упомянуть Вермиллионское соглашение о человеческих останках, принятое на конференции Всемирного археологического конгресса (WAC), кодексы этики Американской ассоциации биологических антропологов (AABA), Британской ассоциации биологической антропологии и остеоархеологии (BABAO), Канадской ассоциации биологической антропологии (САВА), Международного совета музеев (ICOM) и других профессиональных сообществ. Кодексы различаются в деталях, но практически в каждом из них содержится мысль о необходимости уважительного отношения к останкам умерших и признании особых прав их потомков или групп, заявляющих о своей связи или принадлежности к умершим.

В России аналогичный кодекс отсутствует, однако, вероятнее всего, большинство современных археологов и антропологов согласятся с обоими тезисами. Трудности возникают, когда мы попытаемся определить, в чем же именно должно проявляться уважение к умершим и как определить приоритетные права групп, претендующих на особую связь с ними.

Вероятно, многие исследователи согласятся с тем, что уважение к умершим должно проявляться в бережном отношении и сохранении физической целостности останков и информации, связанной с ними, а также в отказе от манипуляций, приводящих к их разрушению или загрязнению (*Walker 2000: 20–21*). Для других авторов это также означает, что к останкам следует относиться не просто как к объектам, заслуживающим защиты, но как к личностям, обладающим особыми правами. Наиболее последовательные сторонники этой точки зрения предполагают, что все останки, по каким-либо причинам извлеченные из земли, должны быть перезахоронены — поскольку очевидно, что ни археологические раскопки, ни работы, связанные с переносом кладбищ, ни научные исследования скелетов нельзя считать исполнением воли умерших (*Thomas, Krupa 2021: 354; de Tienda Palop, Currás 2019*).

Постепенный процесс переквалификации статуса человеческих останков и практик по отношению к ним, по-видимому, является сегодня фундаментальной тенденцией, касающейся как норм права, профессиональных и этических рекомендаций, так и социальных норм. Декларируемое уважение к личности и человеческому до-

стоинству умерших влечет за собой приздание особого статуса человеческим останкам и признание необходимости их защиты (*Clavandier* 2019). Этот процесс развивается неравномерно в разных странах, а его особенности, по-видимому, во многом обусловлены собственной историей. В государствах с колониальным прошлым (Великобритании, Франции, Бельгии и других) этическое осмысление обращения с человеческими останками обострено необходимостью реагировать на постколониальную критику. Колониальное прошлое формирует этическую чувствительность, вызывая необходимость осмыслить, насколько допустимо хранить и экспонировать останки чужих предков. Именно в этом контексте были разработаны первые рекомендации по репатриации и хранению останков, а сами останки стали рассматриваться не только как научные объекты, но и как символы исторической несправедливости. В странах, не имевших подобного опыта, Германии, России, странах Восточной Европы, эти дискуссии развиваются менее интенсивно. Показательно, что на русском языке почти нет публикаций, посвященных этой теме, а дискуссии носят чаще кульярный и несистематический характер (*Shvedchikova* 2019).

Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть основные факторы, влияющие на восприятие исследователями (в первую очередь археологами и антропологами) границ допустимого обращения с останками. В статье анализируется влияние целостности останков, степень их обезличенности и прочность сохраняющихся связей с миром живых на реальную практику исследований. Особое внимание уделяется предложенной специалистом по охране культурного наследия Германии Р. Дитрихом модели, согласно которой отношение к человеческим останкам определяется двумя ключевыми осями: степенью сохранности тела (где крайние полиции занимают труп и кремированные останки) и уровнем социальных связей между мертвыми и живыми (от личных отношений до полного разрыва связей). Эти параметры формируют матрицу, в рамках которой оценивается приемлемость тех или иных действий по отношению к останкам (*Dietrich* 2013). Основное внимание уделено вопросам обращения со скелетированными останками, поскольку именно с ними чаще всего приходится иметь дело специалистам, и в этом случае проблемы этики носят наиболее дискуссионный характер. Исследование базируется на анализе опубликованных источников, в том числе международных этических кодексов, результатов опросов археологов и анализа практики работы с останками в музеях и исследовательских центрах.

О неопределенном статусе человеческих останков из археологических раскопок

Человеческие останки, лишенные плоти, воспринимаются как лиминальные сущности, не совсем люди, но и не совсем предметы. Опросы археологов и антропологов, проведенные исследователями разных стран, показывают, что те часто затрудняются последовательно сформулировать свое отношение к останкам (*Crouch* 2017; *Leighton* 2010; *Scarre* 2003). С одной стороны, исследования свидетельствуют о том, что археологам сложно обращаться с останками мертвых с тем же моральным и эмоциональным безразличием, как с другими видами археологических находок (*Crouch* 2017). С другой стороны, отстраненное отношение может восприниматься как важное условие проведения исследований. Саму процедуру научного изучения человеческих останков можно рассматривать как форму их объективации. Это проявляет-

ся и в языке описания, которым пользуются специалисты. Например, в российской археологической и антропологической литературе словосочетание «человеческие останки» упоминается заметно реже по сравнению с выражениями «костяки», «человеческие кости», «скелеты», «скелетные остатки», «скелетный материал», «костный материал», «костные остатки», «антропологические остатки», «антропологический материал» (Буйских 2015). Язык помогает отстраняться исследователям от личности мертвых, одновременно укрепляя их новый статус как объектов изучения. Он помогает рассматривать манипуляции с останками умерших как нечто обыденное, нормальное и при этом совершенно отличное, например, от разграбления могил (Crouch 2017).

С точки зрения некоторых авторов, в дегуманизации и объективации умерших, виноват картезианский дуализм разума и тела. Если тело после смерти перестает быть личностью, превращаясь в пустую оболочку, то это может явиться достаточным основанием для решения любых этических вопросов относительно того, как, оказавшись в могиле, человек каким-то образом превращается в ценный (или, наоборот, не имеющий никакой ценности) предмет, который можно добывать из земли, как природный ресурс (Highet 2005). Другие авторы подчеркивают, что этот дуализм, по-видимому, не связан напрямую с Декартом и имеет гораздо более глубокие корни в древнегреческой философии и средневековом христианском различении божественной души и тела (Crouch 2017). Можно также утверждать, что он имеет широкое распространение в религиозно-мифологических представлениях народов самых разных уголков мира. В современном мире для объективации человеческих останков, кажется, появились новые обоснования, не связанные с религиозными воззрениями людей напрямую. С одной стороны, этому способствует популяризация знаний и практической пользы, которые приносит изучение человеческих тел, а с другой — широкое распространение видео-, фото- и текстовой информации, в которой потенциально навсегда могут быть запечатлены наши личности. Технологии позволяют не только сохранять и восстанавливать память об умерших, но и усиливают границы между личностью и телом.

С точки зрения многих исследователей единственным источником потенциально значимых моральных возражений против исследования человеческих останков являются пожелания их потомков; сам «антропологический материал» не обладает правом голоса (Scarre 2003). Археологи и антропологи, как правило, больше озабочены тем, чем являлись их объекты изучения в контексте конкретной научной проблемы, а не тем, кем они были. Останки чаще всего рассматриваются как анонимные представители антропологических или социальных групп, а не как личности (но, возможно, ли вообще на практике узнать их как личности?). Поэтому очевидно, что восприятие одним и тем же исследователем останков может также заметно варьировать. Череп исторической личности, оказавшийся в его руках, вызывает одни эмоции, коллекция скелетов, которая является объектом научных исследований, другие, учебный материал, состоящий из разрозненных и депаспортизованных костей — третья.

Эмоциональное восприятие субъективно, но, по-видимому, существуют некоторые объективные факторы, которые в значительной степени определяют тот круг действий, которые исследователь полагает допустимыми при работе с останками. В этом отношении плодотворной может оказаться модель, предложенная Р. Дитрихом. Автор предположил, что характер обращения с человеческими останками опреде-

ляется двумя факторами-осами: степенью их физической сохранности и степенью «присутствия умершего» в коллективной памяти (Dietrich 2013: 117). Для первой оси он выделяет следующие категории: труп, останки известных персон, мумии, скелеты (или их части), и, наконец, кремированные останки. Для второй — личные отношения, общественное отношение и ретроспективная (восстановленная) память («öffentliche Rücksichtnahme und retrospektive Pietät»), либо полное отсутствие каких-либо связей. Особого пояснения требует термин *retrospektive Pietät*, который используется для обозначения такой формы отношения к умершим, когда общество «усыновляет» умершего или группу умерших, идентифицирует себя с ними и требует особого обращения с их останками (Dietrich 2013: 117). Хотя Р. Дитрих не анализирует возможные сочетания этих категорий и не делает прямых выводов о правовом или этическом статусе останков в разных «ячейках» этой матрицы, сама по себе схема позволяет структурировать интуитивные различия в обращении с останками и может служить полезной рамкой для дальнейшего анализа.

О роли целостности останков

Правила подобающего обращения с останками умерших заметно различаются между обществами разных культур и эпох. Однако универсальный характер имеет, по-видимому, следующее явление: сохранение внешнего сходства останков с человеческим телом играет одну из определяющих ролей при их восприятии и, косвенно, определении границ допустимого поведения. К скелетам и их фрагментам неприменимы понятия «труп», «мертвец» или «покойный», особенно к останкам, происходящим из археологических раскопок. Кажется, это различие полностью игнорируется сторонниками того этического подхода, согласно которому за останками всех умерших признаются равные права и статус личности.

С точки зрения стороннего наблюдателя кости одного человека неотличимы от костей другого, а разложение трупа фактически символизирует исчезновение его личности. В одних и тех же регионах Европы мы наблюдаем историческую практику смешения скелетных останков разных людей в склепах и оссуариях и недопустимость нарушение могильного покоя еще сохраняющего плоть тела. Неслучайно Дж. Крэнгл, анализируя изображения на средневековых английских церквях, отметила, что в отличие от трупов (как бы безобразен не был их внешний облик) скелеты никогда не представляют личности, но являются символическим олицетворением самой смерти (Crangle 2015: 272).¹ В Европе манипуляции с останками умерших после их захоронения и их беспокойство были частым явлением на протяжении всего средневекового периода — в отличие от тел к скелетным останкам погребенных относились с этическим безразличием (Crangle 2015; Moхов 2020). Тело живого человека, как источник греха, не вызывало почтения у средневековых христиан, но одновременно не вызывали такого почтения и кладбища, служившие местом упокоения мертвого

¹ Именно в этой роли выступают, например, черепа во вступительной части фильма «Терминатор 2: Судный день». Бездушные машины сражаются с людьми на фоне развалин, а вокруг валяются десятки человеческих черепов. Угрозу исчезновения нашего вида, его смертность и хрупкость олицетворяют кости, которые однозначно воспринимаются зрителем как человеческие. В использовании других элементов скелета режиссер не увидел необходимости (за исключением первого кадра). Тем самым невольно создается впечатление, что действие разворачивается на фоне разрушенного антропологического музея.

тела. Для идеи бессмертия сохранение целостности тела не было важным условием, а потому кладбища с одной стороны могли иметь весьма запущенный вид, а с другой, были частью общего городского пространства, местом торговли, представлений и правосудия (Мохов 2020). Неудивительно, что по большей части долгосрочного управления кладбищами, нацеленного на сохранение останков в целостности, обычно не происходило — нарушение могильного пространства было неизбежным, но несущественным с литургической и прагматической точки зрения (Crangle 2015: 278).

Не только людьми Средневековья торчащие из земли кости воспринимались морально безразлично, но и современными археологами разрозненные и лишенные мягких тканей части скелета легче воспринимаются как научные объекты (Crouch 2017). Некоторые археологи отказываются от раскопок кладбищ недавнего времени, опасаясь не только иметь дело с исторически близкими захоронениями, но и вероятности наткнуться на органические останки (волосы, ногти, фрагменты кожи), считая такого рода раскопки отвратительными и даже аморальными. При этом кремированные и фрагментарные человеческие останки часто рассматриваются в современном обществе как наименее отталкивающие, менее индивидуалистичные, а в науке — как менее информативные (Crouch 2017; Walker 2000). Несомненно, этому способствует максимальное внешнее отдаление формы останков от формы человеческого тела. Даже при знакомстве с публикациями, посвященными вопросам этики, нетрудно заметить, что рассуждения исследователей опираются в первую очередь на примеры обращения со скелетами и их фрагментами, тогда как кальцинированные кости, как правило, остаются за пределами их внимания. Лишь относительно недавно кремированные останки стали рассматриваться как потенциальные объекты официального музейного хранения. Более того, сама по себе кремация нередко оказывается завершающим этапом постпогребальных действий, совершаемых с останками после проведения археологических раскопок и их исследования антропологами. Признание скелетов и их фрагментов непригодными (незначимыми) для дальнейшего изучения и хранения в музее приводит к их дальнейшей фрагментации и в конечном счете полному исчезновению из зоны общественного внимания.

Сегодня раскопки древних погребений, как правило, имеют целью проведение научного исследования и восстановление утраченной информации об умерших. В эпоху Средневековья причины для преднамеренного постпогребального нарушения, эксгумации и повторного захоронения включали в себя широкий спектр ритуальных и неритуальных действий. Среди наиболее распространенных причин — обряды предков, почитание и поминование важных личностей, политические споры, спасение тел, культ реликвий, но также грабежи и осквернение. Как и в случае с временными могилами, кости, которые подвергались эксгумации, позднее могли быть очищены и сожжены (Weiss-Krejci 2011: 77). Хорошо известна роль останков святых как реликвий в католической постсредневековой Европе, однако останки мирян, извлеченные из склепов, иногда использовались также в народной медицинской и ритуальной практике. Такое продленное физическое и духовное присутствие умерших, с точки зрения исследователей, позволяет рассматривать их как постоянно действующих агентов в соответствующих сообществах (Farrow 2021).

Ценность останков, которая изначально определялась с ритуально-практической точки зрения, сегодня видоизменилась за счет легитимации научно-практического взгляда на умерших. Если исторически для восприятия останков было важным

различие трупа и скелета, то в антропологии, где исследователи редко имеют дело с трупами (и как мы увидим, в этом случае стремятся перевести их в одну из последующих категорий), более важным является то, с каким именно элементом скелета приходится иметь дело. Градации, предложенные Р. Дитрихом для первого фактор-оси, могут быть преобразованы в вид «Мумия — скелет/череп — отдельные кости — кремированные останки». Распространенность особо бережного отношения к мумиям как объектам высокой научной ценности не вызывает сомнения, однако исторически наиболее важное положение в этом ряду занимает череп. Это не просто элемент скелета, а объект особого сакрального, символического и научного значения. В различных культурах череп воспринимался как вместилище сознания или души; после смерти его сохранение нередко служило способом продления присутствия умершего. С другой стороны, уже с XVIII века череп стал главным объектом внимания в расовых классификациях и судебной идентификации. Череп рассматривался как наиболее информативная часть скелета, позволяющая индивидуализировать останки или, наоборот, включить умершего в типологический ряд. Таким образом, череп представляет собой культурную и научную аномалию на оси, описывающей фактор целостности останков, — ячейку, в которой пересекаются биологическое, эмоциональное и символическое измерения.

О роли социальных связей

На восприятие останков несомненно оказывает не только их целостность, но и прочность тех связей, которые сохраняются между мертвыми и живыми на момент вторжения заинтересованной стороны в сложившийся *status quo* (или даже были повторно установлены по результатам научных исследований). Действительно, если мы посмотрим на состав антропологических коллекций различных научных институтов и музеев, то обнаружим, что они большей частью сформированы за счет останков людей с разорванными культурными, историческими или социальными связями. Останки из раскопок относятся к категории тех, культурная связь которых с современным населением либо совершенно прервалась с течением времени, либо население не имело возможности оказать достаточно сопротивления, чтобы сохранить останки нетронутыми. Коллекции с задокументированным полом и возрастом, находящиеся на хранении различных научных институтов и музеев, чаще всего представлены останками лиц с разорванными социальными связями: представителей беднейших слоев населения, тела которых оставались невостребованными из моргов и больниц, а также иммигрантов и преступников (*Campanacho et al. 2021; Cardoso 2021*). В некотором смысле отсутствие прочных связей могло предречь посмертную судьбу человека еще при его жизни.

Иногда для нарушения естественного порядка захоронения и превращения тела покойного в предмет музейного хранения достаточно того, чтобы человек выпал из привычного круга социальных связей на короткое время. Сюда, например, относятся коллекции, сформированные из скелетных останков солдат, павших на полях сражений XIX столетия (*Tammiksaar, Kalling 2018*) и даже в период Великой Отечественной войны (Гайваронский, Соловьев 2022).

Но это же касается и людей иной культурной принадлежности, которые оказались в орбите внимания исследователей. Обычно эта проблема обсуждается на примере археологических раскопок в бывших колониальных странах, проведение которых не

согласовывалось с местным населением, однако в действительности такие примеры можно найти далеко за пределами собственно археологии. Так, в конце XIX в. антропологи Ф. Боас и А. Хрдличка исследовали группу из шести эскимосов, прибывших в Американский музей естественной истории в составе туристической группы. А. Хрдличка провел их измерения, сделал фотографии, а также изготовил антропологические слепки частей тел. Оказалось, что эскимосы прибыли в музей простуженными, и у четырех из них болезнь переросла в туберкулез, от которого они и скончались. А. Хрдличка распорядился, чтобы тела всех четверых были мацерированы и вывялены, а затем зарегистрировал скелеты в составе музейной коллекции (Powell *et al.* 1993). Этот случай можно рассматривать как пример научноцентричного безразличия к телу умершего человека и чувствам его близких. Но он также служит хорошей иллюстрацией независимости факторов «целостности тела» и «сохранения социальных и исторических связей» при определении рамок допустимого обращения с останками. Мнение родственников о распоряжении телами исследователями не запрашивалось. С одной стороны, большое географическое расстояние позволило пренебречь «толщиной» нитей, связывавших умерших с близкими людьми, с другой, сами Ф. Боас и А. Хрдличка очевидно не ощущали бремени этических норм, с которым им пришлось бы столкнуться, случись кому-нибудь из них иметь дело с трупом коллеги¹.

За последние десятилетия в защите останков умерших, в первую очередь коренных народов территорий, подвергнувшихся европейской колонизации, произошла заметная эволюция. Этой теме посвящена обширная литература, обзор которой не входит в задачи данной публикации. Здесь лишь стоит отметить, что именно социальные связи, а не общее стремление к восстановлению исторической справедливости по-прежнему имеют решающее значение в определении судьбы останков. Хорошо известно, что NAGPRA² помогла учесть мнение многих групп американских индейцев и оказала положительное влияние на расширение контактов между индигенным населением, правительством, музеями и археологами. Однако, например, некоторые группы индейцев Калифорнии, не получившие или лишенные официального признания со стороны федерального правительства, не получили доступ к NAGPRA, а соответственно оказались лишены контроля над посмертной судьбой останков своих предков (Walker 2000: 24).

Несомненно, важной является потенциальные сила и направление общественной реакции: например, в Европе, когда речь идет о раскопках и изучении останков из христианских (или предположительно христианских) захоронений требуется большая толика осторожности, чем при обращении с останками иной культурной и географической принадлежности. Можно считать такое положение примером двойных стандартов (Bahn 1984), но можно также рассматривать эту проблему в контексте определяющей роли социальных и исторических связей. Более тесная и прочная связь подразумевает большую мотивацию для их сохранения и проявления уважения.

¹ В действительности среди оставшихся в живых эскимосов был сын одного из погибших, который требовал похоронить отца. Для его успокоения были разыграны фиктивные похороны, тогда как настоящее тело было мацерировано и выставлено в музее, о чем сын узнал несколько лет спустя (Schug *et al.* 2025).

² NAGPRA (Native American Graves Protection and Repatriation Act) — федеральный закон США, требующий от федеральных агентств и учреждений, получающих федеральное финансирование, возвращать «культурные ценности» коренных американцев (включая человеческие останки) прямым потомкам и культурно связанным племенам американских индейцев.

Впрочем, иногда важным оказывается даже сохранение символической связи с социумом. В США в середине XIX в. по мере распространения практики похищения тел **главными** целями стали могилы без надписей, поскольку с точки зрения копателей они были символически оставлены обществом и не находились под его защитой. Такой подход в равной степени касался могил бедняков, неспособных поддерживать уход за местами упокоения близких, и коренных американцев, могилы которых не соответствовали «правильным» христианским формам (Hight 2005). Можно утверждать, что внутри музеев и научных институтов роль такой надгробной таблички, играют этикетки и шифры. Статус музеиного предмета, снабженного документацией, служит гарантией защиты и сохранения целостности скелетов (и в меньшей степени мелких костей и зубов). Положение останков, оказавшихся в подвалах институтов менее надежно. И в обоих случаях утрата документации (депаспортизация) грозит сдвигом границ допустимых способов обращения с останками. Вторично обезличенные кости могут стать частью учебной коллекции по анатомии, перезахоронены или кремированы без выделения участков для захоронения. Для человеческих останков, происходящих из археологических раскопок, утрата маркировки означает окончательный разрыв связей с миром живых и лишение их защиты.

Хорошим примером важности обоих факторов при определении границ допустимого обращения с останками является история скелета гайдука Петра I великана Николая Буржуа, выставленного на постоянной экспозиции в Кунсткамере. Тело великана было препарировано после смерти в 1724 г. и выставлено на экспозиции в виде нескольких экспонатов: чучела, скелета и отдельных внутренних органов. Во время пожара 1747 г. череп Буржуа был утрачен, а впоследствии взамен был подобран «новый» череп. Таким образом, в одном скелете были соединены кости двух разных людей. Череп неизвестного стал частью посмертного образа великана Буржуа — вместе они провели времени больше, чем со своими прижизненными владельцами. Внешне череп, по-видимому, заметно отличается от черепа Буржуа. В ходе недавней реставрации утраченные мышцелки оригинальной нижней челюсти Буржуа были преднамеренно воссозданы таким образом, чтобы соединить их с уступающим по размерам черепом (Стариков, Радзюн 2012).

О замене черепа иногда рассказывают экскурсоводы, но этот факт не упоминается в сопроводительном тексте на экспозиции. Сложно представить, чтобы столь примечательная информация не была бы указана, если бы соединению были подвергнуты, например, части мумий двух разных людей. В этом случае аналогии с чудовищем Франкенштейна напрашиваются сами собой, однако соединение костей, лишенных плоти, не вызывает острых эмоций. С другой стороны, несомненно, что восприятие экспоната как этически приемлемого обеспечивается также полным отсутствием каких-либо сведений о времени и регионе происхождения владельца черепа. Не существует каких-либо сообществ, которые могли бы претендовать на изменение статуса черепа неизвестного или испытывали эмоциональное беспокойство из-за публичного выставления такого экспоната.

Заключение

Модель, предложенная Р. Дитрихом, предлагает полезную аналитическую рамку для понимания того, какие факторы оказывают влияние на практики обращения с

человеческими останками. Хотя автор не развивает подробно возможные этические или правовые следствия комбинации различных уровней сохранности и степени «присутствия» умерших в коллективной памяти, сама идея двумерной матрицы позволяет наглядно продемонстрировать основные закономерности в вариативности отношения общества к человеческим останкам, в т. ч. со стороны профессионального сообщества антропологов и археологов.

Приведенные выше примеры разного отношения и способов обращения с человеческими останками не призваны послужить оправданием случаев безалаберного, пренебрежительного или хищнически-комерческого отношения к останкам. Однако представляется, что история убедительно показывает: создание универсального свода правил обращения с человеческими останками остается практически неразрешимой задачей на практике.

И научноцентричный взгляд археологов и антропологов, и религиозное мировоззрение сторонников обязательных перезахоронений, и стремление к восстановлению социальной справедливости активистов и представителей индигенных народов, и иные точки зрения, представленные в современном обществе, будут изменяться как в ходе взаимного диалога, поиске компромиссов между всеми заинтересованными сторонами, так и общей трансформации социального устройства нашего мира. Весьма вероятно, что развитие технологий, обеспечивающих сохранение памяти о личности умершего, будет способствовать более толерантному отношению к различным способам обращения с человеческими останками, поскольку личность будет все меньше не связана с физическим состоянием его тела. В этом смысле современная европейская и американская тенденция к пересмотру статуса человеческих останков и наделению умерших особыми правами, может оказаться таким же времененным явлением, каким были практики не задававшихся вопросами этики гробокопателей Нового времени.

Археологи и антропологи в первую очередь используют останки для постановки и решения исследовательских задач, но можно также утверждать, что их усилия возвращают в общественное сознание модели жизни, которые в противном случае могли бы быть полностью забыты. Исследование археологами различных деталей жизни давно ушедших людей является более ярким способом противодействия забвению, нежели сохранение останков в нетронутых и постепенно разрушающихся могилах (Scarre 2003). Смерть в обществах традиционной культуры воспринимается не как единичное событие, а скорее, как процесс или даже ряд стадий, через которые проходит личность умершего, пока его тело переживает физическую трансформацию. Эта трансформация, как и само течение времени неизбежно меняет отношение к умершим его близких и будущих потомков. С возникновением анатомии, медицины и археологии обнаружилось, что некогда считавшийся завершенным последний обряд перехода, символизировавший окончательное исключение умершего из мира живых, может также оказаться лишь промежуточным этапом, временем подготовки к новому переходу в принципиальное новое состояние — и, возможно, к возвращению из цепких лап забвения.

Научная литература

- Буйских С. Б. Древние некрополи: нравственные аспекты исследования // Археологія і давня історія України. 2015. № 1 (14). С. 438–446.
Гайворонский И. В., Соловьев К. В. Краниологические коллекции кафедры нормальной ана-

- томии Военно-медицинской академии — национальное достояние и уникальная база для научных исследований // Саратовский научно-медицинский журнал. 2022. № 18 (4). С. 596–603.
- Мохов С.* Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common Place, 2020. 328 с.
- Стариков Ю. В., Радзюн А. Б.* Реставрация естественно-исторических предметов. Скелет великана Буржуа из Кунсткамеры // Исследования и консервация культурного наследия. М.: Индрик. Вып. 3. 2012. С. 258–263.
- Шнирельман В. А.* Археология, историческое наследие и проблемы этики // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 97–122. <https://doi.org/10.17223/2312461X/27/6>
- Bahn P. G.* Do not Disturb? Archaeology and the Rights of the Dead // Oxford Journal of Archaeology. 1984. Vol. 3(2). P. 127–139. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0092.1984.tb00322.x>
- Campanacho V., Alves Cardoso F., Ubelaker D. H.* Documented Skeletal Collections and their Importance in Forensic Anthropology in the United States // Forensic Sciences. 2021; Vol. 1(3). P. 228–239. <https://doi.org/10.3390/forensicsci1030021>
- Cardoso H.* An Ethical, Cultural and Historical Background for Cemetery-Based Human Skeletal Reference Collections // Journal of Contemporary Archaeology. 2021. Vol. 8(1). P. 21–52. <https://doi.org/10.1558/jca.43380>
- Clavandier G.* De nouvelles normes à l'égard des restes humains anciens: de la réification à la personnalisation? // Canadian Journal of Bioethics. 2019. Vol. 2(3). P. 79–87.
- Crangle J. N.* A Study of Post-Depositional Funerary Practices in Medieval England. PhD Thesis. University of Sheffield, 2015.
- Crouch K. C.* Dealing with the Dead: Understanding Professional Relations between Archaeologists and Human Remains. PhD Thesis. The University of Manchester, 2017.
- de Tienda Palop L., Currás B. X.* The Dignity of the Dead: Ethical Reflections on the Archaeology of Human Remains // Ethical Approaches to Human Remains / ed. by Squires K., Erickson D., Márquez-Grant N. Springer, Cham, 2019. P. 19–38. https://doi.org/10.1007/978-3-030-32926-6_2
- Dietrich R.* Nicht die Toten, sondern die Lebenden: Menschliche Überreste als Bodenfunde // Archäologische Informationen. 2013. Vol. 36. P. 113–119.
- Farrow T. J.* Relics of (the) People: Ossuary Remains in Postmedieval European Folk Practice // The Enquiring Eye. Journal of the Museum of Witchcraft and Magic. 2021. Vol. 5. P. 1–15.
- Higlett M. J.* Body Snatching & Grave Robbing: Bodies for Science // History and Anthropology. 2005. Vol. 16:4. P. 415–440. <https://doi.org/10.1080/02757200500390981>
- Leighton M.* Personifying Objects/Objectifying People: Handling Questions of Mortality and Materiality through the Archaeological Body // Ethnos. 2010. Vol. 75:1. P. 78–101.
- Powell S., Garza C. E., Hendricks A.* Ethics and Ownership of the Past: The Reburial and Repatriation Controversy // Archaeological Method and Theory. 1993. Vol. 5. P. 1–42.
- Scarre G.* Archaeology and Respect for the Dead // Journal of Applied Philosophy. 2003. Vol. 20(3). P. 237–249. <https://doi.org/10.1046/j.0264-3758.2003.00250.x>
- Schug R. G., Halcrow S. E., de la Cova C.* They Are People Too: The Ethics of Curation and Use of Human Skeletal Remains for Teaching and Research // American Journal of Biological Anthropology. 2025. 186: e70013. <https://doi.org/10.1002/ajpa.70013>
- Shvedchikova T.* Between the Archaeological and the Criminal Cases: Human Remains and Ethical Issues in Russia // Ethical Approaches to Human Remains. A Global Challenge in Bioarchaeology and Forensic Anthropology. Springer Nature Switzerland AG, 2019. P. 557–566.
- Tammiksaar E., Kalling K.* “I was Stealing Some Skulls from the Bone Chamber when a Bigamist Cleric Stopped Me.” Karl Ernst von Baer and the Development of Physical Anthropology in Europe // Centaurus. 2018. Vol. 60. P. 276–293. <https://doi.org/10.1111/1600-0498.12189>
- Thomas J.-L., Krupa K. L.* Bioarchaeological Ethics and Considerations for the Deceased // Human Rights Quarterly. 2021. Vol. 43(2). P. 344–354. <https://doi.org/10.1353/hrq.2021.0025>
- Vanni A.* Human Remains: European Legislative Perspective on the Limit between Forensic and

- Archaeological Jurisdiction with Special Regard to War Graves // *Journal of Bioarchaeological Research*. 2023. Vol. 1(2). e2023016
- Walker P. L. Bioarchaeological Ethics: A Historical Perspective on the Value of Human Remains // Katzenberg M. A., Saunders S. A. (Eds.) *Biological Anthropology of the Human Skeleton*. Hoboken, New Jersey: 2000. P. 3–39. <https://doi.org/10.1002/9780470245842.ch1>
- Weiss-Krejci E. The Formation of Mortuary Deposits: Implications for Understanding Mortuary Behavior of Past Populations // *Social Bioarchaeology* / ed. by Agarwal S., Glencross B. Malden: Wiley-Blackwell, 2011. P. 68–106.

References

- Bahn, P. G. 1984. Do not Disturb? Archaeology and the Rights of the Dead. *Oxford Journal of Archaeology* 3(2): 127–139. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0092.1984.tb00322.x>
- Buiskih, S. B. 2015. Drevnie nekropoli: nraovstvennye aspeki issledovaniia [Ancient Necropolises: A Study of Moral Aspects]. *Arheologija i davnjaia istorija Ukrayny* 1 (14): 438–446.
- Campanacho V., F. Alves Cardoso, and D. H. Ubelaker. 2021. Documented Skeletal Collections and their Importance in Forensic Anthropology in the United States. *Forensic Sciences* 1(3): 228–239. <https://doi.org/10.3390/forensicsci1030021>
- Cardoso, H. 2021. An Ethical, Cultural and Historical Background for Cemetery-Based Human Skeletal Reference Collections. *Journal of Contemporary Archaeology* 8(1): 21–52. <https://doi.org/10.1558/jca.43380>
- Clavandier, G. 2019. De nouvelles normes à l’égard des restes humains anciens: de la réification à la personnalisation [New Standards Regarding Ancient Human Remains: From Reification to Personification]? *Canadian Journal of Bioethics* 2(3): 79–87.
- Crangle, J. N. 2015. *A Study of Post-Depositional Funerary Practices in Medieval England*. Ph.D. Thesis, University of Sheffield.
- Crouch, K. C. 2017. *Dealing with the Dead: Understanding Professional Relations between Archaeologists and Human Remains*. Ph.D. Thesis, The University of Manchester.
- de Tienda Palop, L., and B. X. Currás. 2019. The Dignity of the Dead: Ethical Reflections on the Archaeology of Human Remains. In *Ethical Approaches to Human Remains*, ed. by K. Squires, D. Erickson and N. Márquez-Grant. Springer, Cham: 19–38. https://doi.org/10.1007/978-3-030-32926-6_2
- Dietrich, R. 2013. Nicht die Toten, sondern die Lebenden: Menschliche Überreste als Bodenfunde. *Archäologische Informationen* 36: 113–119.
- Farrow, T. J. 2021. Relics of (the) People: Ossuary Remains in Postmedieval European Folk Practice. *The Enquiring Eye. Journal of the Museum of Witchcraft and Magic* 5: 1–15.
- Gaivoronskii, I. V., and Solovyov, K. V. 2022. Kraniologicheskie kolleksii kafedry normal’noi ana-tomii Voenno-meditsinskoi akademii — natsional’noe dostoianie i unikal’naia baza dlia nauchnykh issledovanii [The Craniological Collections of the Department of Normal Anatomy of the Military Medical Academy — A National Treasure and a Unique Base for Scientific Research]. *Saratov Journal of Medical Scientific Research* 18 (4): 596–603.
- Highet, M. J. 2005. Body Snatching & Grave Robbing: Bodies for Science. *History and Anthropology* 16: 415–440. <https://doi.org/10.1080/02757200500390981>
- Leighton, M. 2010. Personifying Objects/Objectifying People: Handling Questions of Mortality and Materiality through the Archaeological Body. *Ethnos* 75: 78–101.
- Mokhov, S. 2020. *Rozhdenie i smert pokhoronnoi industrii. Ot srednevekovykh pogostov do tsyfrovogo bessmeriya* [The Birth and Death of the Funeral Industry. From Medieval Cemeteries to Digital Immortality]. Moscow: Common Place Publ. 328 p.
- Powell, S., C. E. Garza, and A. Hendricks. 1993. Ethics and Ownership of the Past: The Reburial and Repatriation Controversy. *Archaeological Method and Theory* 5: 1–42.
- Scarre, G. 2003. Archaeology and Respect for the Dead. *Journal of Applied Philosophy* 20(3):

- 237–249. <https://doi.org/10.1046/j.0264-3758.2003.00250.x>
- Schug, R. G., Halcrow, S.E., and C. de la Cova. 2025. They Are People Too: The Ethics of Curation and Use of Human Skeletal Remains for Teaching and Research. *American Journal of Biological Anthropology* 186: e70013. <https://doi.org/10.1002/ajpa.70013>
- Shnirelman, V. A. 2020. Arheologija, istoricheskoe nasledie i problemy etiki [Archaeology, Historical Heritage and Ethical Issues]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 1: 97–122. <https://doi.org/10.17223/2312461X/27/6>
- Shvedchikova, T. 2019. Between the Archaeological and the Criminal Cases: Human Remains and Ethical Issues in Russia. *Ethical Approaches to Human Remains. A Global Challenge in Bioarchaeology and Forensic Anthropology*. Springer Nature Switzerland AG: 557–566.
- Starikov, Y. V., and A. B. Radzium. 2012. Restavratsiia estestvenno-istoricheskikh predmetov. Skelet velikana Burzhua iz Kunstkamery [Restoration of Natural History Objects. Skeleton of the Giant Bourgeois from the Kunstkamera] *Issledovaniia i konservatsiia kul'turnogo naslediiia* 3: 258–263.
- Tammiksaar, E., and K. Kalling. 2018. “I was Stealing Some Skulls from the Bone Chamber when a Bigamist Cleric Stopped Me.” Karl Ernst von Baer and the Development of Physical Anthropology in Europe. *Centaurus* 60: 276–293. <https://doi.org/10.1111/1600-0498.12189>
- Thomas, J.-L., and K. L. Krupa. 2021. Bioarchaeological Ethics and Considerations for the Deceased. *Human Rights Quarterly* 43(2): 344–354. <https://doi.org/10.1353/hrq.2021.0025>
- Vanni, A. 2023. Human Remains: European Legislative Perspective on the Limit between Forensic and Archaeological Jurisdiction with Special Regard to War Graves. *Journal of Bioarchaeological Research* 1(2): e2023016
- Walker, P. L. 2000. Bioarchaeological Ethics: A Historical Perspective on the Value of Human Remains. In *Biological Anthropology of the Human Skeleton*, ed. by M. A. Katzenberg, S. A. Saunders. Hoboken, New Jersey. 3–39. <https://doi.org/10.1002/9780470245842.ch1>
- Weiss-Krejci, E. 2011. The Formation of Mortuary Deposits: Implications for Understanding Mortuary Behavior of Past Populations. In *Social Bioarchaeology*. ed. by S. Agarwal, B. Glencross. Malden: Wiley-Blackwell. 68–106.